

РЮ МУРАКАМИ

村上龍

В АЭРОПОРТУ

Рю Мураками

В аэропорту

Серия «Маскот. Путешествие в Азию с белым котом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74341861

В аэропорту:

ISBN 978-5-04-252585-8

Аннотация

Мировую известность Рю Мураками принес роман «Дети из камеры хранения». В нем автор показал темную сторону Японии. В сборнике рассказов «В аэропорту» Мураками несколько смягчается. Книгу во многом можно сравнить с произведением Харуки Мураками «От первого лица».

Этот сборник соткан из нескольких историй, будто подсмотренных и подслушанных в баре, караоке, банкетном зале и в аэропорту. Герои Мураками ощущают растущую безысходность. Они чувствуют, что из страны, где «есть все», исчезло самое главное – надежда. Работа, отношения, случайные встречи не спасают от пустоты. Однако именно в трещинах повседневности проступают маленькие частицы надежды – внезапное желание снова начать рисовать, признание в любви, решение уехать, чтобы начать все сначала.

«В аэропорту» – книга о внутреннем побеге и о первом вдохе перед прыжком.

Белый кот Мичи – маскот серии. Вместе с вами он оправится в книжное путешествие по странам Азии: от чарующей Японии до загадочного Тайваня. Мичи будет поджидать вас на страницах книги. Вместе с ним вы разделите впечатления от прочитанного.

«Маскот. Путешествие в Азию с белым котом»

В серии уже вышли книги:

Харуки Мураками

– «Бесцветный Цкуру Тадзаки и годы его странствий»

– «Хроники Заводной Птицы»

– «От первого лица»

– «Ничья на карусели»

– «Медленной шлюпкой в Китай»

– «Светлячок и другие рассказы»

Рю Мураками – «Дети из камеры хранения»

Эдогава Рампо – «Чудовище во мраке»

Морий Огай – «Танцовщица»

Фумико Энти – «Цитадель»

Тэру Миямото – «Узорчатая парча»

Содержание

В комбини

6

Конец ознакомительного фрагмента.

23

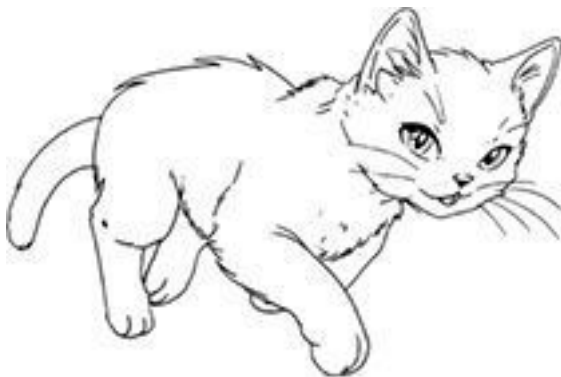
Рю Мураками

В аэропорту

© Байбикова Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО» Издательство «Эксмо», 2026

В комбини

Я быстро осмотрелся. Внутри кроме меня находились еще семеро покупателей. Первый – пожилой мужчина; еще один – парень в очках, на вид студент, примерно моего возраста; третий и четвертый – дядьки в рабочей одежде; номер пять и номер шесть – пара окрестных домохозяек; и последний, седьмой покупатель – школьник-младшеклассник с ранцем за спиной. Школьник был в бутербродном отделе, изучал сэндвичи. В одной руке он держал сэндвич с яичным салатом, а в другой – с консервированным тунцом. Миновав большую прямоугольную кастрюлю с дымящимся одэном¹ и установленную там же у кассы стеклянную витрину с подо-

¹ *Одэн* – японское «зимнее» блюдо. В составе бульон даси и разные продукты, например вареные яйца, дайкон, конняку, тофу, водоросли и многое другое.

гревом для булочек с разными начинками – от мясных до сладких, – я направился к отделу свежих продуктов, залито-му светом люминесцентных ламп. Вообще-то, я осмотрелся только мельком, так что нельзя было с уверенностью утвер-ждать, что покупателей ровно семь человек. Возможно, их здесь восемь или даже одиннадцать. Полки загораживали об-зор, и увидеть весь зал целиком было невозможно.

Молоко, йогурты и молочные напитки типа кофе с моло-ком располагались в открытом горизонтальном холодильнике. Пожилой мужчина стоял прямо перед ним. Парень в оч-ках, похожий на студента, исчез из поля моего зрения. Но это не значит, что он вышел из магазина, – при выходе две-ри открываются с характерным звуком, который трудно спут-ать с чем-то другим. С тех пор как я зашел в магазин, это-го звука не было слышно. Значит, даже если кого-то мне и не видно, скорее всего, он внутри, потому что наружу никто не выходил.

Один из сотрудников магазина медленно двигался вдоль полки с орешками и другими закусками к алкоголю, держа в руках устройство, похожее на увеличенный вдвое мобиль-ный телефон. Судя по всему, он вел учет упаковок арахиса, вяленой говядины и сушеного кальмара, касаясь экранчи-ка стилусом. Поскольку день будний – сотрудников немного. Еще один стоял у кассы и распаковывал цилиндрики с моне-тами для сдачи. Когда он вскрыл пленку на одном из цилин-дриков, одноиеновые монетки посыпались в кассовый ящик,

а несколько упало на прилавок.

Позади меня слышались голоса. Я решил, что это разговаривают те двое в рабочей одежде, — голоса были мужскими, и больше всего это походило на разговор между людьми, которые уже знакомы, а значит, это могли быть только они. До меня донесся обрывок фразы: «...всемирное наследие», — но поскольку я не расслышал в точности, что было до и после этих слов, то понять, о чем именно они говорят, я не мог. До этого дядьки стояли поодаль от меня у полок с лапшой быстрого приготовления и напитками, а теперь направлялись к кассе. Я вспомнил, что есть такая лапша, купив которую можно отправить куда-то крышку от упаковки и получить карточку из тематического набора с изображением одного из объектов всемирного наследия. Наверное, именно такую они и купили.

Молока здесь — несколько видов. Мне нужно было обезжиренное, прошедшее щадящую пастеризацию. Перед холодильником с молочными продуктами стоял пожилой покупатель. Сказать точно, сколько ему лет, я бы затруднился, но он выглядел довольно старым. На нем были яркий вязаный жилет, вельветовые брюки и поношенные кроссовки с грязными шнурками и стертой подошвой. Пластиковая корзинка висела на его согнутой как бы зеркальной латинской L левой руке. В корзинке лежали лампочка, иллюстрированный еженедельник и рыбная колбаса. Картонка для защиты лампочки была волнистой для надежности, с одного края из нее

торчала верхушка стеклянной колбы. На ней виднелись надписи: цифры «100» и «60», а также буквы «V» и «W».

Лампочка лежала поверх еженедельника, закрывая лицо женщины на обложке. Женщина была в платье без рукавов и протягивала руки вперед перед собой. Мне стало любопытно, какого цвета у нее лак на ногтях, но пожилой мужчина перевесил корзину на другую руку, и я не успел разглядеть. Его правая рука потянулась к левому предплечью, согнутому под углом в форме зеркальной буквы L, затем большой, указательный и средний пальцы скользнули под ручку корзины и приподняли ее. Корзина перешла на правую руку и, как будто соскальзывая под собственной тяжестью, сдвинулась от запястья к локтю.

Мужчина потянулся было левой рукой к йогуртам, и в этот момент из-за полок раздался громкий женский смех. Рука зависла в воздухе. Старик чуть повернул голову в ту сторону, откуда донесся звук. Это смеялись две домохозяйки. Но почти сразу же все стихло... После окончания школы я начал работать в студии звукозаписи. Сначала занимался сбором звуковых эффектов, таких как гром, порывы ветра, щебет птиц, а также аплодисменты, шум толпы и смех. Я ходил с DAT-рекордером и записывал смех в самых разных местах: на свадьбах, в барах, на ярмарках, в телестудиях. Я начал работать в студии четыре года назад, когда мне было восемнадцать. Тогда я узнал, что смех всегда возникает внезапно и похож на взрыв. Но лишь по звучанию смеха невоз-

можно понять, почему люди смеются. Когда я обрабатывал в студии записанные в разных местах звуки смеха, я вспоминал свое детство.

Я был в старшей группе детского сада, когда у моей бабушки с папиной стороны случился инсульт. Как-то мы пришли к ней в больницу, и она слушала радио в наушниках – передавали что-то вроде анекдотов-ракуго². Вообще-то, поскольку звук из наушников был тихим, я не мог точно сказать, было ли это действительно ракуго, или сценка-мандзай³, или разговорное юмористическое шоу. Но я периодически слышал смех множества людей. Этот слабый звук доносился из крошечного динамика, утонувшего в ухе бабушки, и пятилетнему мне он казался похожим на птичий щебет. Существуют ли и правда птицы, издающие подобные звуки, я понятия не имел, но помню, что тогда подумал именно так.

Каждый раз, когда раздавался этот слабый звук, выражение лица бабушки немного смягчалось. Будучи почти полностью парализованной, она, похоже, по-прежнему была в состоянии воспринимать юмор. Смех в наушниках возникал внезапно и нерегулярно. Постепенно мне стало казаться, что бабушка ждет этого звука. Разумеется, она не могла говорить, не могла писать, кивать или качать головой. Единствен-

² *Ракуго* – комический литературный и театральный жанр, разнообразный по содержанию. Это могут быть анекдоты или длинные рассказы.

³ *Мандзай* – традиционный комедийный жанр в Японии. Как правило, это комические сценки-интермедии с двумя участниками.

ное, что было ей под силу, – это открывать и закрывать глаза. Я наблюдал за бабушкиными веками. Они чуть заметно подрагивали, но, как только доносился смех, подрагивание прекращалось – веки либо плотно смыкались, либо, напротив, резко распахивались.

Смех посторонних людей – в некотором роде проявление насилия. Услышав, как засмеялись две домохозяйки, стоящий передо мной пожилой мужчина замер. Его рука, протянувшаяся к питьевому йогурту, зависла в воздухе. Он начал поворачивать голову в сторону источника смеха, но остановился – взгляд застыл как бы на полпути между холодильником и той точкой в пространстве, откуда шел звук. Затем мужчина изменился в лице. Наверное, почувствовал раздражение. Где-то у него за спиной что-то произошло, но что именно – он не знал. До него дошел лишь звук смеха. Произошедшее никак его не касалось. Смех не имел к нему отношения. Вряд ли он думал, что эти две женщины смеются над ним, но причина смеха была ему непонятна. В этом отличие смеха от звука сирены скорой помощи, доносящегося с улицы. Сирена – событие из внешнего мира, а насчет смеха двух женщин у соседних полок все не так однозначно.

Смех, звучавший в подключенных к радио наушниках, успокаивал бабушку, это было заметно по ее лицу. Но если бы смеялись прямо в больничной палате, она бы, вероятно, напряглась. А радио и телевидение можно воспринимать спокойно. Даже если мы видим по телевизору человека, на

которого напал крокодил, нам с самого начала понятно, что нас это не касается, вот мы и не напрягаемся. Более того, если люди в передаче смеются, мы можем смеяться вместе с ними, как бы подхватывая звуки, доносящиеся с экрана. Но если смех звучит в ситуации, имеющей к нам прямое отношение, это уже совсем другое дело. Даже если человек смотрит юмористическое шоу по телевизору и вдруг слышит смех родных или друзей где-то в соседней комнате – вне контекста передачи, – он наверняка почувствует беспокойство.

Сложно сказать, насколько сильно напрягся стоящий сейчас передо мной пожилой мужчина – эмоции на лице стариков довольно сложно распознать. Его левая рука, протянутая к витрине с молочными продуктами, застыла в воздухе на уровне глаз. Судя по его виду, он не то обеспокоен, не то смущен, а если немного изменить угол взгляда, то на лице будто даже появляется легкая улыбка. Мимика маленьких детей легко читается, но пожилые люди – дело другое. У младенца кожа упругая, и потому хорошо заметно, как меняется его лицо. Без этого мать не смогла бы вовремя понять, когда дать ребенку молока или взять на руки. Выражение вроде бы едва изменилось, но уже понятно, что малыш недоволен. У пожилых людей не так. Думаю, ухаживать за стариками очень тяжело. Говорят, что люди с деменцией возвращаются в детское состояние. Вот только мимика не возвращается. А ухаживать за младенцем без выраженной мимики – задача непростая. Точнее, очень сложная. Тот, кто ухаживает за по-

жилым с деменцией, должен быть все время начеку, чтобы не упустить момент, когда на бесстрастном лице вдруг появится улыбка или слезы. Мне кажется, я бы не выдержал.

Две домохозяйки переместились от полок с журналами и косметикой к полке с гигиеническими товарами и чулочно-носочными изделиями. Между полками с журналами и полками с лапшой быстрого приготовления расположился невысокий прилавок, на котором лежали бланки для отправки курьерской почты. Рядом – терминал с телевизионным экраном. По телевизору транслируется музыкальный клип. Сверху прикреплен листок с надписью: «Вы можете скачать музыку, которая сейчас играет, прямо с терминала». Сейчас на экране – не слишком ярком, с приглушенной картинкой – выступала группа, которую я толком не знал. Смех двух домохозяек звучал громче, чем музыка. Наверняка они смеялись не по поводу пожилого мужчины. Но старик мог подумать, что смеются над ним. Мы способны сделать объектом смеха что и кого угодно. Мы можем смеяться над людьми, собаками, шимпанзе. А вот над насекомыми – вряд ли.

Парень в очках, примерно моего возраста, выглянул из-за полки со снеками. Длинноволосый, немного полноватый. Левой рукой он потянулся к шоколадным шарикам, а правой откинул волосы, падавшие на лицо. Я подумал, не буллят ли его коллеги по подработке или что-то в этом роде. По лицу человека, над которым систематически издеваются, почти всегда можно это понять. Когда я учился классе в седь-

мом-восьмом, у меня был одноклассник, к которому все относились как к насекомому. И я тоже к нему так относился. На переключке в классе, когда дежурный называл по очереди все имена, ему полагалось вести себя так, будто он насекомое, – при звуке его имени все как бы слегка приседали и смотрели на пол. А дежурный в этот момент должен был топнуть ногой по полу – и тогда этот мальчик обязательно издавал стон, словно его раздавили. Но будь он в реальности насекомым, мы бы не смогли над ним так смеяться. Мы высмеивали его, потому что он превращался в насекомое по нашей воле. Когда мы смеялись над ним, он смеялся вместе с нами, будто так и надо. Но с какого-то момента у него заметно перекосило лицо. Тогда я впервые понял, что издевательства меняют внешность человека.

Наверное, у этого моего одноклассника, которого все держали за насекомое, нарушилась синхронизация между нервной системой и лицевыми мышцами. Парень, тянувшийся за шоколадными шариками, зевнул. Я стоял перед полкой с молочными напитками, старик протягивал руку за йогуртом. Дядьки в рабочей спецодежде направлялись к кассе, домохозяйки переходили к полке с гигиеническими товарами. Школьник держал в каждой руке по сэндвичу – с яичным салатом и с тунцом, пытаясь выбрать между ними. Один из работников магазина проверял ассортимент товаров на полке с закусками к алкоголю, а второй собирал одноиеновые монеты, рассыпавшиеся по прилавку у кассового аппарата.

Когда я только начал работать в студии звукозаписи, старший техник провел со мной интересный эксперимент. Он включил звукозапись, сделанную у одного из столов в китайском ресторане, и сказал:

– Пока слушаешь, попытайся представить, что там происходит.

Запись длилась секунд сорок. В первую очередь я попытался представить, сколько людей сидит за столом. Судя по голосам, их было человек шесть-восемь. Количество блюд я оценивал по звукам, с которыми палочки или ложки касались тарелок.

– Люди там, за этим столом, – сказал техник, – на самом деле выполняют невероятно сложную последовательность действий и оценочных суждений.

Если один из них – назовем его А – решил взять какое-то блюдо с вращающегося стола – допустим, кисло-сладкую свинину, – то сначала он вращает стол, чтобы блюдо оказалось перед ним, потом берет его и накладывает еду себе в тарелку. После этого он проверяет, хочет ли попробовать кисло-сладкую свинину кто-то еще – например, сидящие рядом или напротив Б и В, – и протягивает блюдо в их сторону. Одновременно он отслеживает, о чем в данный момент идет разговор, думает, может ли он в нем поучаствовать, есть ли у него что рассказать по теме. Он выжидает подходящего момента, чтобы вступить в беседу, и решает, кому именно он хочет рассказать свою историю. И все это – прежде чем

откроет рот. А когда он все-таки его открывает, то это может быть либо для того, чтобы съесть кусочек свинины, либо для того, чтобы начать говорить, – его мозг уже сделал за него этот выбор. А иногда человек делает и то и другое одновременно. То есть он берет палочками кусок мяса, лука или болгарского перца, подносит ко рту, начинает жевать и одновременно заводит разговор с Б, В или Г. Жевание и глотание – это совершенно разные действия с точки зрения работы нервной системы. Также и с речью: мышцы и нервы, задействованные при вербальном общении, чтобы в том числе реагировать на слова собеседника улыбкой или задумчивым видом, совсем не те, что задействованы во время движений челюсти или работы пищевода при приеме пищи. Если вслушаться в звуки, становится очевидным: мы совершаем чрезвычайно сложные действия, почти не осознавая этого. И нынешние примитивные компьютерные технологии не позволяют создать робота, способного повторить такую сложную деятельность. Когда человек находится в сильном стрессе, то вся система воспроизводства этих привычных и слаженных физиологических действий начинает давать сбой. После сильного испуга мы иногда не можем нормально засмеяться. А в состоянии крайней тревоги у нас может перестать вырабатываться слюна, и становится трудно глотать.

Мой отец – сотрудник большого универмага на границе между Токио и Сайтамой. Он родился и вырос в туристическом районе в центральной Японии, окончил никому не из-

вестный частный университет в Токио, в родные места не вернулся – устроился работать в универмаг. Ближе к тридцати женился на самой обычной женщине, потом родились мой брат и я. Город, в котором я вырос, – типичная жилая застройка нового типа: в центре станция, рядом банк, универмаг и супермаркет, торговая улица, вдоль шоссе – залы с игровыми автоматами, филиалы сетевого фастфуда, центр по продаже подержанных машин... Комбини, куда я сейчас пришел за молоком, стоит на стыке жилых кварталов и пристанционной торговой улицы.

В детстве меня постоянно ругали, сравнивая с братом. Он был похож на отца – серьезный и старательный, хорошо учился. Еще в начальной школе начал ходить в частный образовательный центр на дополнительные занятия, но в конце концов не смог сдать вступительный экзамен в частную школу средней ступени в Токио, так что в средних и старших классах учился в местной государственной школе, а потом поступил в такой же никчемный частный университет, как и отец. Учебу он бросил уже через полгода, стал слоняться без дела. К поступлению в другой вуз не готовился, работу не искал. Где-то после двадцати у него появилась девушка на пять лет старше его. Брат перебрался к ней в квартиру в Икэбукуро, и они начали жить вместе. Но меньше чем через год расстались, и брат устроился барменом в бар неподалеку от парка Тосимаэн, где до сих пор смешивает виски с водой и раскладывает по тарелочкам арахис и снеки из риса

с соевым соусом.

Я в школе вообще почти не учился. С детства часто болел, никаких особых способностей у меня не было – ни в учебе, ни в спорте, ни в чем таком. Когда в девятом классе нам в школе рекомендовали, куда поступать дальше, учитель посоветовал какую-то отстойную старшую школу, сказав мне что-то вроде: «У тебя все равно никаких перспектив, так что лучше сразу оставить все иллюзии насчет будущей жизни». Я помню, мне казалось, что это говорит не только он, а как бы все общество обращается ко мне через него. Мы с братом, считай, были ровесниками – разница всего три года. Когда я учился в старших классах, часто оставался ночевать у него в Икэбукуро. После того как брат бросил университет, он стал добрее. Тогда у него была девушка, которая работала в секс-индустрии в Сугáмо и возвращалась домой очень поздно. Мы с ним по вечерам пили пиво и разговаривали. Его любимая присказка была «меня одурачили».

– Поступив в универ, я понял, что и меня одурачили, но было уже поздно. Помню, как классе в восьмом ходил в универмаг, где работал отец, и долго смотрел, что он там делает. Он сновал между кассой и торговым залом, усаживал клиентов на диваны, включал встроенные лампы на письменных столах, открывал и закрывал створки платяных шкафов. Находясь в торговом зале, он улыбался, а когда возвращался к кассе – лицо становилось мрачным. Я тогда был еще, в сущности, ребенком и, глядя на все это, думал: «Чего вообще

интересного в такой работе?»

– Один мой одноклассник из начальной школы уехал в Америку, и как-то так получилось, что летом после моего поступления в вуз⁴ мы с ним встретились. Он несколько лет прожил в американском городе, известном своим национальным парком с пеликанами, – увлекся птицами, учился на факультете экологии и проходил летнюю стажировку в Новой Гвинее. Говорил, что хочет в будущем заниматься защитой фламинго в Центральной Америке. Для меня это было совершенно непонятно.

– Братишка, у тебя еще есть время найти, что тебе нужно, – сказал мне брат. – Не слушай отца, мать и учителей! Они ничего не знают. Они всю жизнь провели в четырех стенах – в универмаге, дома, в школе – и вообще без понятия о том, что происходит в остальном мире. Будешь слушать таких, как они, – станешь таким же, как я. А я уже ничего не могу. Мне всего двадцать, но у меня уже больше нет сил что-то искать. Пусть и поздно, но я хотя бы это понял. Если бы я пошел в какой-нибудь студенческий клуб – на теннис, там, или на лыжи, – если бы кое-как окончил университет и, как отец, устроился бы работать в универмаг или супермаркет – тогда уже по-настоящему все было бы кончено. И я понимаю тех, кто ушел в «Аум синрикё»⁵. Когда в тебе со-

⁴ В Японии учебный год начинается в апреле, и летом заканчивается первый семестр учебы.

⁵ «Аум синрикё» – синкретическая секта, признана террористической организа-

всем не остается энергии – тебе просто необходимо что-то, на что можно опереться. И уже не важно, что именно. Но теперь я понял: единственная настоящая опора – это собственный, оригинальный способ мышления. Но чтобы он у тебя был, его надо выработать – надо ездить в разные места, читать книги, слушать музыку. А я не сделал ничего из этого. И начинать сейчас – уже слишком поздно. Может, конечно, я преждевременно себя хороню, но – ты ведь помнишь, как в военных фильмах бывают такие персонажи, которые, типа, понимают, что им конец? У них не остается сил, им становится дико холодно, их как бы затягивает в черную яму, и они уже знают, что сейчас умрут... Вот я тоже чувствую что-то похожее.

Школьник у полки с сэндвичами все еще не может выбрать – яичный салат или тунец? Похожий на студента полноватый очкарик убрал руку от шоколадных шариков и потянулся к плитке шоколада. Две домохозяйки идут вдоль стеллажа с товарами женской гигиены. Двое дядек в спецодежде, закинув несколько упаковок лапши быстрого приготовления в корзину, направляются к кассе. Один из сотрудников магазина закончил проверять верхний ряд полки с орешками и другими сухими закусками и начал пересчитывать сырные шарики и кусочки маринованного тунца на шпажках. Продавец на кассе тем временем продолжает собирать рассыпавшуюся по прилавку мелочь. Время от времени через все по-

мещение проносится широкая световая полоса. Это проникает внутрь магазина солнечный свет, отраженный лобовым стеклом проходящего мимо автобуса.

Пожилой человек стоит прямо передо мной. Он одет в клетчатую рубашку. С тех пор как я начал работать со звукозаписью, частенько бывает, что я останавливаюсь, закрываю глаза и прислушиваюсь к окружающим меня звукам. Я уже несколько раз работал ассистентом по звуку на съемках фильмов. Когда снимают в гостиничном номере, например, после того как актеры закончили сцену, обязательно записывают «звук комнаты». Этот фоновый звук помещения называется «румтон», и он нужен для озвучки при монтаже. Мне нравится его записывать. Когда я закрываю глаза и надеваю наушники, мне кажется, что мое тело начинает прямо впитывать этот звук. В гостиницах и многоквартирных домах обычно глухо гудит система кондиционирования, а иногда слышны звуки машин или дорожных работ за окном – но они приглушены и едва пробиваются через стекло. Во время записи румтона даже режиссер не имеет права говорить. Всем – и съемочной группе, и актерам – приходится затаить дыхание и ждать, пока я закончу запись и остановлю рекордер. В комнате витают бесшумное дыхание множества людей, легкое жужжание кондиционера и еле слышный звук улицы. Отель, жилой дом, даже отдельные комнаты – у каждой свой, едва уловимый румтон. Записывая эти тихие звуки, я начал понимать, что по-настоящему люблю работать

со звукозаписью. С этой весны я начинаю учиться в Школе кинотехнологий в Сан-Диего. Все документы для поступления я оформил сам. Когда я сообщил родителям, что поеду в Америку, мама расплакалась. Сказала, что будет скучать. Отец попытался ее утешить: «Ну он же не на тот свет уезжает». А потом мы втроем рассматривали карту западного побережья США и брошюру школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.